

© Перевод Г.К. Косиков, 2000

© OCR Г.К. Косиков, 2009

Источник сканирования: Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова - М.: ИГ Прогресс, 2000. - с. 171-195.

Альгирдас-Жюльен Греймас

В ПОИСКАХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ

1° Сокращение и структурирование

а) Организация функций

В настоящее время «Морфология сказки» В. Проппа слишком хорошо известна, а сходство русских сказок с европейскими сказками того же типа достаточно хорошо обосновано, чтобы говорить об этой работе, не излагая предварительно ее содержания. Известно, что, описав функции (а описание это состояло в том, чтобы, с одной стороны, сконденсировать синтагматические повествовательные единицы в единицы семантические и дать каждой из них обозначение, а с другой - представить эти единицы как инварианты тех вариативных форм, в которых они реально выступают в конкретных сказках), Пропп предложил двоякое определение того вида повествования, которым является сказка:

1. Рассматривая отношения между функциями, описанными указанным выше образом, и актантами, за которыми они закреплены, он сгруппировал функции по *кругам действий*, каждый из которых определяет соответствующего актанта. Это позволило ему понять сказку как повествование, подчиняющееся семиперсонажной схеме;

2. Рассматривая функции сами по себе, в порядке их следования, как раз и образующем повествование, Пропп получил второе определение сказки, предполагающее, по его мнению: а) наличие достаточ-

---

Greimas A.-J. A la recherche des modèles de transformation // Greimas A.-J. Sémantique structurale. Recherche de méthode. P.: Larousse, 1966, p. 192-213.

по ограниченному набору функций (31); б) обязательный порядок их следования друг за другом.

Ранее мы воспользовались первым определением Проппа и задались вопросом, в какой мере оно позволяет понять и обосновать более общую актантную модель, подходящую для описания большего числа мифологических микроуниверсумов. Теперь же следует приступить к дальнейшим разысканиям: мы видели, что анализ по функциям позволяет описать содержание актантов, создавая почву для построения актантной модели; в то же время он может послужить отправной точкой для описания отношений между функциями, которые, хотя и организованы в конкретные повествования, должны, по крайней мере теоретически: а) свестись (в силу избыточности, свойственной любому дискурсивному способу выражения) к достаточно небольшому количеству, что позволило бы представить их как простые структуры; б) и в то же время создать (в силу самой их последовательности в повествовании) основу, позволяющую эксплицировать сам факт существования трансформационных моделей для семантических структур.

Чтобы проверить, хотя бы отчасти, эти теоретические предположения, нам следует вернуться к пропповскому набору функций и установить: а) возможно ли его существенное сокращение, позволяющее представить всю совокупность функций как одну простую структуру; б) в чем состоит обязательность следования функций друг за другом и в какой мере она соответствует реальным трансформациям этих структур.

Уточнив таким образом нашу цель, нам остается лишь попытаться упростить пропповский набор функций, прибегнув, по возможности, к новым сокращениям и, в известных случаях, к новым отождествлениям.

б) Набор функций

В приблизительном изложении набор пропповских функций выглядит следующим образом:

- 1° отлучка (*отлучка*),
- 2° запрет (*запрет*),
- 3° нарушение (*нарушение*),
- 4° осведомление (*выведывание*),
- 5° оповещение (*выдача*),
- 6° обман (*подвох*),
- 7° пособничество (*пособничество*),
- 8° вредительство (*вредительство*),
- 8°а недостача (*недостача*),
- 9° предписание (*посредничество, соединительный момент*),

- 10° решение героя *{начинающееся противодействие}*,
- 11° отправка *(отправка)*,
- 12° предложение испытания *{вызов, первая функция дарителя}*,
- 13° принятие испытаний *{реакция героя}*,
- 14° получение помощника *(снабжение, получение волшебного средства)*,
- 15° пространственное перемещение *(пространственное перемещение)*,
- 16° борьба *(борьба)*,
- 17° клеймение *(клеймение, отметка)*,
- 18° победа *(победа)*,
- 19° ликвидация недостачи *(начальная беда или недостача ликвидируются)*,
- 20° возвращение *(возвращение)*,
- 21° преследование *(преследование, погоня)*,
- 22° спасение *(спасение)*,
- 23° неузнанное прибытие *(неузнанное прибытие)*,
- 24° см. выше, 8°а,
- 25° предложение задачи *(трудная задача)*,
- 26° успех *(решение: задача решается)*,
- 27° узнавание *(узнавание)*,
- 28° обнаружение вредителя *(обличение антагониста)*,
- 29° обнаружение героя *(трансфигурация, новый облик героя)*,
- 30° наказание *(наказание)*,
- 31° свадьба *(свадьба)*.

с) Группировка функций по парам

Этот набор из 31 функции слишком велик, чтобы можно было поставить вопрос о его структурировании. Надо, следовательно, попытаться сократить его, прежде всего опираясь на самого Проппа, который видел возможность «группировки функций по парам». На данной стадии, однако, такая группировка может быть только эмпирической и основываться на требовании, отвечающем двум условиям: повествование должно быть сгущено в «эпизодные» единицы, причем предполагается, что эти вероятные эпизоды имеют бинарную природу и образованы двумя функциями.

В результате такой редукции пропповский набор функций приобретает следующий вид:

- 1° отлучка,
- 2° запрет vs нарушение,
- 3° осведомление vs оповещение,
- 4° обман vs пособничество,

- 5° вредительство vs недовольство,
- 6° предписание vs решение героя,
- 7° отправка,
- 8° предложение испытания vs принятие испытания,
- 9° получение помощника,
- 10° пространственное перемещение,
- 11° борьба vs победа,
- 12° клеймение,
- 13° ликвидация недовольства,
- 14° возвращение,
- 15° преследование vs спасение,
- 16° неузнанное прибытие,
- 17° предложение задачи vs успех,
- 18° узнавание,
- 19° обнаружение вредителя vs обнаружение героя,
- 20° наказание vs свадьба.

Мы видим, что группировке по парам поддаются лишь некоторые функции. Новый, хотя и сокращенный, набор не намного удобнее старого.

d) Договор

Можно задаться вопросом, а не способна ли все же группировка функций по парам получить методологическое обоснование, которое сделало бы ее операциональной. Так, в рамках пропповского синтагматического описания пара

запрет vs нарушение

рассматривается как связанная отношением импликации (поскольку всякое нарушение предполагает наличие запрета). Если же, напротив, взять эту пару вне всякого синтагматического контекста, то она предстанет в виде семной категории, термы которой одновременно связаны как конъюнктивным, так и дизъюнктивным отношениями, а потому примет вид:

S vs не-S.

Группировка функций по парам, понятая как способ их категоризации, по крайней мере частично освобождает анализ от требований, налагаемых синтагматическим порядком следования функций; тем самым операция сравнения, предполагающая объединение тождественных элементов и разъединение противоположных, оказывается

применимой и к набору функций в целом. Как заметил Леви-Стросс, выступивший (в работе «Структура и форма») с критикой Проппа, запрет есть в сущности не что иное, как «негативная трансформация» приказа, то есть той функции, которую мы обозначили как «предписание». Предписанию, однако, соответствует другая, связанная с ней функция — «решение героя», — которую удобнее назвать «соглашением». Благодаря этой двойной оппозиции общее распределение четырех функций уточняется так:

если

предписание
соглашение = установление договора,

то

запрет
нарушение = разрыв договора.

Однако, с другой стороны, если запрет является негативной формой предписания, а нарушение — отрицанием согласия, то очевидно, что все четыре термина суть не что иное, как проявление семной системы, которую мы можем выделить

- либо на уровне гиперонимии, как выражение категории:

A vs $\bar{A}$;

- либо на уровне гипонимии, в качестве системы, где каждый из термов сам оказывается результатом категориального членения:

$\frac{a}{\text{не-}a}$ vs $\frac{\bar{a}}{\text{не-}\bar{a}}$.

Это теоретическое отношение гомологии, позволившее нам рассматривать A как «установление договора», дает возможность по-новому понять и последнюю функцию сказочного повествования, обозначенную Проппом как «свадьба». В самом деле, если повествование в целом приходит в движение благодаря нарушению договора, то конечный эпизод, то есть «свадьба», восстанавливает — после всех перипетий — нарушенный договор. Это значит, что свадьба — не просто функция, как следует из анализа Проппа, но договор между адресантом, предлагающим адресату объект поиска, и получателем-субъектом, который его принимает. Отсюда следует, что «свадьба» должна быть сформулирована в виде оппозиции «предписание vs согласие» с той, однако, разницей, что в данном случае договор подкрепляется передачей объекта желания.

Примечание. Переосмысление, которому мы подвергли функцию «свадьба», позволяет приступить к ряду уточнений проппов-

ского набора функций; их теоретические условия мы установили выше: изотопия дискурсного выражения может быть обеспечена лишь в том случае, если алгоритмы сокращений функций будут устанавливаться лишь для одного и того же уровня обобщения.

е) Испытание

Констатация того факта, что договор в некоторых случаях может сопровождаться функциями-результатами, вписываясь тем самым в общую цепочку функций, обязывает нас поместить его внутри тех синтагматических схем, частью которых он является.

Если в качестве примера взять испытание, которому должен подвергнуться герой немедленно после отправки, то в пропповском описании можно заметить ряд новых лакун. Оказывается, в частности, что разделение испытания на две функции:

предложение испытания	vs	принятие испытания
(<i>первая функция дарителя</i>)		(<i>реакция героя</i>)

недостаточно: подобно тому как за «предписанием» всегда следует «согласие» («решение героя»), «предложение испытания» может сопровождаться лишь его «принятием» («реакцией героя»). Дальше дело обстоит таким же образом: за «согласием» следует «принятие испытания», в конце концов увенчивающееся «успехом» героя; в итоге все испытание завершается функцией-результатом - получением волшебного помощника.

Таким образом, можно сказать, что любое *испытание* (именно так мы назовем только что описанную синтагматическую схему из пяти функций) образовано следующими функциями и парами функций (в порядке их появления):

A = предписание vs согласие,
 F = принятие испытания vs успех,
 не-с = результат.

Если приложить эту схему ко всем испытаниям, встречающимся в повествовании (а их там несколько), то можно заметить, что испытания эти проанализированы Проппом весьма неравномерно. Достаточно только составить сравнительную таблицу сказочных испытаний, чтобы едва ли не автоматически заполнить неизбежно возникающие пробелы:

Предложенная схема	Квалифицирующее испытание	Основное испытание	Прославляющее испытание
A { приказание согласие	первая функция дарителя реакция героя	предписание решение героя	предложение задачи
F { принятие испытания успех		бой	
не-с=результат	получение помощника	победа ликвидация недостачи	успех узнавание

Приведенная таблица позволяет сформулировать несколько наблюдений:

1. Становится очевидной высокая степень избыточности сказочного повествования:

а) прежде всего сами испытания, рассматриваемые как синтагматические схемы, появляются здесь трижды и различаются лишь содержательным наполнением функций-результатов;

б) функциональная пара, составляющая структуру договора и появляющаяся в начале повествования в негативной форме $\bar{A}$, обнаруживается, как мы видели, в конце этого повествования в позитивной форме A. Более того, каждое испытание начинается именно с установления договора (A_1, A_2, A_3);

с) ниже мы увидим, что пара «принятие испытания» vs «успех», наличествующая во всех трех испытаниях, один раз появляется без предшествующего ей договора.

2. Схема испытания имеет вид логической последовательности функций, природу которой нам предстоит уточнить, а не их синтагматического следования друг за другом, потому что

а) пары A и F не всегда находятся в отношении смежности: так, схватка героя с вредителем происходит намного позже его отправки;

б) пары A и F могут присутствовать в сказке как одиночные функции, вне схемы испытания.

3. Если функциональная пара A может рассматриваться как бинарная структура значения, то не так обстоит дело с парой F, чья структура нуждается в объяснении.

f) Отсутствие героя

Даже поверхностный взгляд на дистрибуцию функций в повествовании показывает, что его кульминационная точка — борьба героя с вредителем. Эта борьба, однако, происходит за пределами того общества, в котором случилось несчастье. Значительная часть повествования, располагающаяся между отправкой героя и его неузнанным прибытием, характеризуется отсутствием героя.

Если внимательнее присмотреться к этой части повествования, то вновь можно заметить отсутствие критерия изотопии, которому должно подчиняться наименование функций. По Проппу, «отправке» героя соответствует функция «возвращение», однако на деле эта функция обозначает не возвращение героя, а его новую отправку после пребывания в том месте, где происходит его победоносная борьба с вредителем. Таким образом, если мы будем понимать под «отправкой» (обозначив ее через $\bar{p}$) момент, с которого начинается отсутствие героя, то прямо противоположной функцией (в качестве позитивной семы, противопоставленной негативной семе) окажется не та, которую Пропп называет «возвращением», а «неузнанное прибытие» (p).

С другой стороны, моменту, с которого начинается отсутствие героя, соответствует момент его прибытия на место боя ($\overline{не-p}$); моменту же прибытия на место боя соответствует функция, называемая Проппом «возвращение» ($не-p$). Таким образом, мы получаем следующую схему перемещений героя:

$$\frac{\bar{p}}{\overline{не-p}} \approx \frac{p}{не-p} .$$

К этому следует добавить, что между моментами p и $не-p$ вклинивается еще и пространственное перемещение, иначе говоря, быстрое передвижение (d), - особая функция, которая, появившись в общем развертывании событий до борьбы, вполне симметрично появляется и после борьбы, где смешивается с функциями «преследование» vs «спасение». Мы получаем право считать пару «преследование» vs «спасение» результатом синкретизма функций, где, с одной стороны, присутствует функциональная пара F («принятие испытания» vs «успех»), а с другой — быстрое перемещение героя. Таким образом, в схему, описывающую отсутствие героя, нам придется ввести дополнительную функцию (d) - перемещение, которое, хотя и осуществляется в противоположных направлениях, тем не менее оказывается избыточным:

$$\bar{p} + d + \overline{не-p} \quad vs \quad p + d + p .$$

По поводу этой схемы следует сделать два замечания:

1. Сама быстрота перемещения на уровне повествования соответствует, по всей видимости, интенсивности желаний на уровне актантной модели. С этой точки зрения она представляет собой не функцию, а лишь один из ее аспектов, и в качестве такового оказывается нерелевантной при описании функций. Мы обратили на нее внимание лишь затем, чтобы, оставаясь в рамках синкретизма функций, выделить избыточную функцию F, а также еще и потому, что сам феномен синкретизма, обнаруженный на данном уровне анализа, заслуживает того, чтобы быть отмеченным.

2. Само по себе перемещение, взятое в качестве категории «уход» vs «возвращение», интересно лишь постольку, поскольку оно свидетельствует об одиночестве героя и о его пребывании в ином месте, без связи с повествовательным «здесь». В исследованиях Д. Пом и Л. Себага (см. журнал «L'Homme», III) смысл этой типологической дизъюнкции уточнен: герой пребывает то под землей, то под водой, то в воздухе; он попадает то в царство мертвых, то и царство богов. Проблема, здесь возникающая, слишком сложна и в то же время слишком проста, во всяком случае, слишком сложна, чтобы рассматривать ее на материале народной сказки, аксиологический контекст которой недостаточно выяснен. Будем в связи с этим считать отправку героя действительской категорией, избыточной по отношению к медиативной функции героя, на которой мы остановимся ниже.

Примечание. «Отлучка старших» (= адресанта) может быть обозначена таким же образом.

g) Отчуждение и реинтеграция

Читатели книги Проппа, вероятно, заметили, что он четко выделяет девять первых функций, обозначая их греческими буквами* и рассматривая как своего рода введение в повествование. Мы уже знаем о той роли, которую играют три первых функции (отлучка, запрет, нарушение); их эквиваленты обнаруживаются как в середине, так и в конце повествования. Нам остается рассмотреть еще три пары функций, как раз и составляющих это «введение»:

осведомление	vs	оповещение
обман	vs	пособничество
вредительство	vs	недостача

* Так в английском и французском переводах; в русском оригинале употреблены латинские буквы. — *Прим. перев.*

Сразу же можно заметить, что вся эта повествовательная последовательность предстает как нагромождение несчастий, возникающих вследствие нарушения установленного порядка, и что она, следовательно, образует негативную серию, которой — в соответствии с принципом симметрии, установленным в ходе предыдущего анализа, — должна соответствовать серия позитивная.

Первая пара функций «осведомление» vs «оповещение», по всей видимости, вписывается в рамки общей теории коммуникации и может быть выражена проще: «вопрос» vs «ответ». Лингвистической коммуникации, описанной указанным образом, соответствуют, очевидно, две порознь разнесенные функции:

клеймение vs узнавание,

которые — уже в ином виде — могут быть представлены так:

передача (знака) vs получение (этого знака).

При этом обе симметричные функции образуют позитивный акт коммуникации, тогда как функциональная пара

вопрос vs ответ

оказывается своего рода негативной коммуникацией.

Если принять во внимание прием овеществления, обычный для мифа, то сказанное означает, что в первом случае речь идет о высвобождении сообщения-объекта, а во втором — о его вымогании. Обнаруженная симметрия должна, однако, получить подтверждение с помощью анализа предполагаемой симметрии двух оставшихся функциональных пар.

В заключительной части повествования вслед за узнаванием героя обнаруживается подлинная сущность вредителя: его разоблачают. Однако если вредителя разоблачают, то, значит, он носил личину. В самом деле, если сама по себе лексема «обман» не указывает на это достаточно ясно, то Пропп не преминул подчеркнуть, что вредитель, дабы обмануть героя, всегда является в чужом облике. Тем самым наличие оппозиции между «обманом» и «обнаружением вредителя» становится вполне очевидным.

Что же касается второй функции, входящей в эту пару («пособничество»), то и она, хотя и менее явно, также представляет героя как человека, носящего личину. В самом деле, на этой стадии повествования герой весьма часто изображается как простак, как своего рода деревенский дурачок, которого нетрудно провести; в крайнем случае ге-

рой просто засыпает, а в это время вредитель вершит свое дело; короче, речь здесь идет о нераскрытом герое.

Этой маскировке героя соответствует в конце повествования его трансфигурация: он является во всем своем великолепии, в царских одеждах, обнаруживая свою подлинную героическую природу. Итак, сравнив начальные и конечные функции, можно утверждать, что появлению вредителя и героя в чужом облике соответствует обнаружение их подлинной сущности. И хотя довольно трудно подобрать подходящие лексемы для указанных функций, гипотеза все-таки подтверждается: начальные негативные функции разворачиваются параллельно конечным позитивным функциям.

Невозможно не заметить своего рода *крещендо* в следовании функциональных пар друг за другом. За актом негативной коммуникации, то есть за вымоганием сведений, следует акт обмана; а за ним — вредительство в виде кражи или похищения. Однако по своему структурному статусу эта третья пара функций больше походит на первую. Действительно, общей чертой обеих повествовательных последовательностей является то, что объект (сообщение или предмет, символизирующий Благо) переходит из рук в руки: от героя (его семьи, его близких) к вредителю. В промежуточной же паре функций этот переход хотя и существует, но не так заметен: лишь сопоставив эту пару с первым испытанием героя, в результате которого тот получает помощника, то есть, в сущности, силу, которая и позволяет считать его героем, мы поймем, что «объект», переходящий из рук в руки в результате обмана, «объект», похищаемый вредителем, есть, так сказать, героическая сущность героя.

Мы видим, что структурный статус начальной и конечной повествовательных последовательностей, для каждой из которых характерна тройная избыточность функциональных пар, приобретает теперь бóльшую определенность; речь идет именно об обобщенной структуре коммуникации (иными словами, обмана), которая предполагает передачу какого-либо объекта, будь то объект-сообщение, объект-сила или объект-благо; начальная последовательность предстает как избыточная серия лишений, перенесенных героем и его близкими, тогда как конечная последовательность состоит из параллельной ей серии приобретений, осуществляемых героем.

Однако если «вредительство» и «недостача» образуют функциональную пару негативного обмена, то на противоположном конце повествовательной цепочки положение несколько усложняется: вредительству здесь полностью соответствует наказание вредителя, однако недостача ликвидируется избыточно: сначала (после победы над вре-

дителем) восстановлением общественного блага, а затем — вознаграждением героя (свадьбой).

А теперь резюмируем наш анализ, введя символические обозначения. Обозначим через прописное С шесть только что проанализированных пар функций: их нумерация (C_1, C_2, C_3) указывает (за счет повторения С) на инвариантный характер их коммуникативного статуса, а цифры 1, 2, 3 — на вариативность объектов коммуникации.

Вместе с тем представим начальную серию функций как негативную трансформацию конечной серии, обозначив начальные функции через $\bar{C}_1, \bar{C}_2, \bar{C}_3$. Поскольку же прописная буква С всегда обозначает такую категорию, которая сама поддается членению на семы в форме c vs $не-c$, то мы получим следующее символическое выражение двух параллельных и в то же время обращенных серий:

$$\bar{C}_1 = \frac{\bar{c}_1}{не-c_1} \qquad C_1 = \frac{c_1}{не-c_1}$$

$$\bar{C}_2 = \frac{\bar{c}_2}{не-c_2} \qquad C_2 = \frac{c_2}{не-c_2}$$

$$\bar{C}_3 = \frac{\bar{c}_3}{не-c_3} \qquad C_3 = \frac{c_3}{не-c_3}$$

Далее можно условно обозначить начальную серию как «отчуждение» ценностей, а конечную — как их «реинтеграцию».

Примечание. Введение символических обозначений освобождает нас от необходимости давать новые названия пересмотренным функциям.

h) Испытания и их следствия

На данной стадии анализа мы получаем возможность перейти к интерпретации результатов испытаний. Испытания (всего их три) включают в себя по паре функций, обозначаемых буквами А и F, а также одиночную функцию, рассматриваемую как особое следствие, специфицирующее каждое из испытаний. Порядок следования этих одиночных функций в повествовании таков:

получение помощника
ликвидация недостачи
узнавание

Поскольку доказано, что все функции, за исключением этих трех, группируются по парам, одиночный характер функций-результатов может показаться обескураживающим.

К счастью, анализ последовательностей — «отчуждение» и «реинтеграция» — позволяет лучше понять и функции-результаты. Начнем с результата основного испытания: «ликвидация недостачи» предстает здесь как позитивная функция ($не-с_3$), противопоставленная своей негативной трансформации - «недостаче» ($\overline{не-с_3}$). Сходным образом «узнавание» предстает как «получение сообщения» ($не-с_1$) и противостоит своей позитивной семе, то есть «клеймению» ($с_1$), а также «оповещению» — передаче сообщения ($\overline{не-с_1}$). Что же касается «получения волшебного средства» как результата квалифицирующего испытания, то мы уже видели, что параллель ему составляет «лишение героя силы», представленное «пособничеством» ($не-с_2$ vs $\overline{не-с_2}$).

Включение результатов в повествовательные последовательности «отчуждение» и «реинтеграция» позволяет лучше уяснить смысл самих испытаний: их роль состоит в том, чтобы ликвидировать пагубные последствия отчуждения, которое само является нарушением установленного порядка.

і) Результаты сокращения

Итак, первая часть анализа, предварительный опыт конденсации функций, на этом заканчивается, и мы можем представить сокращенный и окончательный набор повествовательных функций в виде следующей схемы:

Нарушение порядка
и
Отчуждение

Реинтеграция
и
Восстановление порядка

Главное испытание

$\overline{p}A\overline{C}_1\overline{C}_2\overline{C}_3pA_1\overline{p}_1(A_2+F_2+не-с_2)d\overline{не-p}_1(F_1+c_1+не-с_3)не-p_1dF_1p_1(A_3+F_3+не-с_1)C_2C_3A(не-с_3)$

Квалифицирование

Поиск

Возмещение

A = договор (предписание vs согласие);

F = борьба (принятие испытания vs победа);

C = коммуникация (передача vs получение);

p = присутствие;

d = быстрое перемещение.

2° Интерпретации и определения

а) Ахронные и диахронные элементы повествования

Приведенная схема представляет собой сокращенный набор функций. Такое сокращение оказалось возможным лишь благодаря известной свободе обращения с самим определением повествования, предполагающего, по Проппу, обязательный порядок следования функций.

Напротив, предпринятое нами сокращение потребовало парадигматической и ахронной интерпретации отношений между функциями: в самом деле, группировка функций по парам осуществима лишь в том случае, если отношение импликации

he-s → s

может быть трансформировано, исходя из наличия отношения дизъюнкции в семном содержании парных функций, в

s vs he-s,

что позволяет понять функциональную пару как простейшую структуру значения.

Эта парадигматическая интерпретация, будучи неременным условием понимания значения всего повествования в целом, позволила нам затем, уже независимо от синтагматического порядка следования функций, выделить более крупные единицы значения, термы которых образованы семными категориями, выраженными в каждой отдельно взятой функции. Конститутивное отношение, связывающее эти единицы, также представляет собой дизъюнкцию. Вместе с тем, чтобы отметить разницу между двумя структурными уровнями, мы, с одной стороны, с помощью прописных букв обозначили тот факт, что термы, образующие указанные единицы, уже представляют собой категории, а с другой - с помощью надстрочного знака отрицания - негативные термы этих категорий.

Эта процедура, если присмотреться к ней повнимательнее, есть не что иное, как сведение функций к функциональным категориям, а затем - установление между ними отношения гомологии. Это позволило нам - вопреки линейному развертыванию повествования и отвлекаясь от факта избыточности функций — выделить две гомологичные функциональные структуры:

$$\begin{array}{c} A \text{ vs } \bar{A} \\ \text{и} \\ C \text{ vs } \bar{C} \end{array}$$

и предположить, что все повествование может быть понято как простая ахронная структура.

Примечание. Анализ структуры коммуникации $C \text{ vs } \bar{C}$ не так прост, как можно заключить по нашему изложению. Он потребует подробного обсуждения, невозможного в рамках настоящей главы. Мы вернемся к нему в другом месте.

Все повествование без труда уложилось бы в эту простую структуру, если бы не диахронический «остаток» в виде функциональной пары

принятие испытания vs успех,

которую мы обозначили через F и которая не поддается трансформации в простейшую семную категорию.

в) Диахронный статус испытания

Функциональная пара F необычна вдвойне: она не только не может быть истолкована как категория семной оппозиции, но и представляет собой единственную одиночную функциональную последовательность, асимметричную функцию, которая ни разу не появляется в повествовании в своей негативной форме.

Зато F входит составным элементом в диахронную последовательность, которую мы обозначили как «испытание» и которая имеет вид:

$$A + F + c.$$

Таким образом, «испытание» можно считать неразложимым ядром, позволяющим рассматривать все повествование как диахронию. Сразу же можно сделать несколько замечаний, уточняющих этот диахронический статус:

1. Отношение между A и F может рассматриваться как отношение временного следования, а не обязательной импликации. Действительно, в повествовании могут присутствовать только A или $\bar{A}$, и это не приведет к обязательному появлению F ; следовательно, наличие A не предполагает наличия F . С другой стороны, в повествовании может присутствовать F , а A при этом отсутствовать; следовательно, наличие F не предполагает наличия A .

Это значит, что если «испытание» и характеризует повествование как последовательность функций, то оно, вопреки мнению Проппа, не предполагает обязательного порядка этой последовательности. Напротив, в данном отношении «испытание» оказывается определенным проявлением свободы. И если все же оно предстает в виде некоего застывшего целого, то это происходит не из-за внутренних отношений каузальности, а из-за избыточности, которая превращает это целое в неподвижную форму, придавая ему — за счет дополнительной мифологической коннотации — смысл, как раз и заключающийся в утверждении свободы героя;

2. Если отношение между А и F есть отношение временного следования, значит, это не такое отношение, которое можно определить при помощи слова «смежность». Следование легко допускает разнесение явлений во времени, и мы, в частности, видим, что так разнесены и обе функциональные пары, А и F, составляющие основное испытание, тогда как само повествование приобретает от этого большую напряженность;

3. Однако если что и придает отношению свободного следования от А к F статус Диахронной структуры, так это необходимость самого результата, вытекающего из свободной встречи указанных функциональных пар. В самом деле, этот результат обязателен. Он предполагает существование отношения (А+F): это ясно видно из сокращенных пересказов некоторых сказок, где герой может быть снабжен помощником без всякого упоминания о предшествующем испытании. Таким образом, испытание лишь создает возможность для следования от А к F, и это следование санкционировано появлением результата не-с.

Если, однако, испытание и обладает особым Диахронным статусом, то оно все же сохраняет определенный параллелизм по отношению к выявленной выше актантной модели.

В самом деле, не только все шесть актантов оказываются вовлечены в испытание, но и сами категории, позволившие сформулировать актантную модель, также имеют свои эквиваленты в структуре испытания. В частности, категории коммуникации соответствует структура договора. В свою очередь, функциональная пара F воплощает в форме борьбы оппозицию между силами помощника (который оказывается у героя) и силами противника. Что же касается результата, то нетрудно заметить, что, принимая различные формы, он представляет собой обретение субъектом желаемого объекта. Следует заметить, что из трех входящих в повествование испытаний:

квалифицирующее испытание,
основное испытание,
прославляющее испытание —

только в двух последних наблюдается полное соответствие между функциями и актантами, которые их выполняют. Что же касается первого испытания (квалифицирующего героя для решающих испытаний), то F в нем оказывается лишь симуляцией борьбы, символической борьбой, в которой адресант играет роль противника.

с) Средства драматизации повествования

Если испытание как таковое позволяет дать диахроническое определение повествованию, то развертывание этого повествования во времени осуществляется еще и при помощи известного числа приемов, входящих в арсенал повествовательного мастерства. Это мастерство, необходимое для «вторичной разработки» повествования (известной под названиями *сюжетная интрига, задержка ожидания, нагнетание, драматическое напряжение*), может быть определено как раздвижка функций, то есть разъединение по ходу следования повествовательных функций - семных смыслов, принадлежащих одной и той же структуре значения.

Так, семе $\overline{\text{не-с}}_3$ (недостача) соответствует сема не-с₃ (ликвидация недостачи), однако они разделены интервалом в пятнадцать функций. Нет необходимости подробно останавливаться на «недостаче», которую Э. Сурио определяет как непереносимую ситуацию, порождающую нехватку чего-либо и приводящую действие в движение. Как только появляется негативная сема, повествование делает немедленную попытку обнаружить позитивную сему (ликвидация недостачи). Движущая сила, возникающая в результате разъединения $\overline{\text{не-с}}_3$ и не-с₃, может быть обозначена как «Поиск».

Однако в тот самый момент, когда сюжетная энергия «Поиска» находит себе выход, появляется новая сема, с₁ (клеймение, отметка): движущая сила, стремящаяся к реализации противоположной семы, не-с₁ (узнавание), может быть названа «Просьбой», поскольку герой как будто просит, чтобы его узнали, хотя внутреннее напряжение здесь намного слабее в силу позитивного (а не негативного, как при «Поиске») характера искомой семы.

Что касается третьей движущей силы («Квалифицирование»), связывающей $\overline{\text{не-с}}_2$ с не-с₂, то она выглядит слабой лишь постольку, поскольку проверка героя просто указывает на его победу, но никак ее не реализует. Тем не менее «Квалифицирование» имеет ту же структуру, что и «Поиск»; вместе они образуют избыточную движущую силу, развивающую интригу.

В качестве главных движущих сил мы будем рассматривать такие функциональные разъединения, где сема *ad quiet* в то же время оказывается и результатом испытания, ибо тем самым эта сила включается

в саму структуру испытания и становится частью его определения. Напротив, мы будем считать второстепенными и непостоянными такие движущие силы, которые хотя и возникают в результате разъединения семных оппозиций, но в которых сема *ab quo* не предшествует результату испытания.

d) Две интерпретации повествования

Испытание, определяющее повествование в Диахронном плане и составляющее его кульминацию, тем не менее далеко его не исчерпывает. В самом деле, за исключением борьбы (F), все остальные элементы, составляющие испытание, присутствуют в нем, так сказать, лишь формально: свое семантическое наполнение, свое значение (которое в то же время является и значением всего испытания) они получают лишь из контекста, иначе говоря, из тех повествовательных последовательностей, которые предшествуют испытанию или следуют за ним.

Э. Сурио определяет общее строение театральной пьесы очень просто: более или менее уравновешенной ситуации в начале пьесы соответствует относительно устойчивая ситуация в ее конце; в промежутке между этими ситуациями происходит нечто. Мы уже знаем, в чем состоит это «нечто», совершающееся по ходу повествования; тем не менее сам рассказ способен почерпнуть свой смысл лишь в тех устойчивых состояниях, которые характеризуют его начало и конец.

Начальная и конечная повествовательные последовательности образованы двумя семными категориями, представленными в позитивной и негативной форме:

Начальная последовательность

$$\bar{A} + \bar{C}$$

Конечная последовательность

$$C + A$$

Если считать, что обе последовательности содержат в себе все существенные семантические характеристики повествования, то ключ к значению сказки должно дать прочтение этих последовательностей. Дело, однако, осложняется тем, что в зависимости от типа отношений, устанавливаемых между структурными терминами, возможны два различных прочтения. Первое заключается в ахронной фиксации термов, понятых как категории, и в установлении корреляции между двумя этими категориями:

$$\frac{\bar{A}}{A} \approx \frac{\bar{C}}{C},$$

что означает: существование договора (установленного порядка) от-

носится к отсутствию договора (порядка) так же, как отчуждение - к пользованию всей полнотой ценностей.

Второе прочтение, учитывающее расположение термов во времени, позволяет рассматривать их в качестве единиц, имплицитующих друг друга:

$$(\bar{A} > \bar{C}) \approx (C > A).$$

Эта формула может быть раскрыта примерно так: в мире без закона ценности перевернуты; восстановление ценностей делает возможным восстановление закона.

Мы видим, что, несмотря на тождество термов, обе формулировки сильно отличаются друг от друга.

е) Ахронное значение повествования

Первая формулировка устанавливает корреляцию между двумя рядами фактов, принадлежащих двум различным областям:

1. *Область социального*: наличие закона, организация общества на началах договора;
2. *Область индивидуального или межиндивидуального*: существование, благодаря коммуникации между людьми, индивидуальных ценностей и обладание ими.

Парадигматическое определение повествования устанавливает тем самым наличие корреляции между обеими областями: между судьбой индивида и судьбой общества. Мы видим, что, понятое таким образом, повествование лишь выявляет отношения, существующие на уровне коллективной аксиологии, так что само повествование оказывается лишь одной из возможных форм такого выявления. В этом смысле сказка есть лишь частное воплощение некоторых структур значения, могущих предшествовать такому повествованию и, что весьма вероятно, являющихся избыточными друг по отношению к другу в социальном дискурсе.

Итак, наличие корреляции позволяет понять повествование как простую структуру значения. Что же до самой «корреляции», рассмотренной как отношение, то по своей природе она как раз и утверждает наличие отношения; выраженная на вербальном уровне при помощи союза *как*, она устанавливает конъюнктивное отношение между членами пропорции.

Теперь следует поближе рассмотреть сами термы этой корреляции, чтобы узнать, в какой мере, несмотря на отсутствие аксиологического контекста, можно углубить интерпретацию значения народной сказки.

Обратимся сначала ко второй части нашего уравнения, относящейся к области индивидуального. В ходе сокращения мы интерпретировали каждое C как процесс коммуникации, характеризующийся передачей некоторого символического объекта. Затем коммуникация была специфицирована в соответствии с природой передаваемого объекта; каждый объект-вариант был обозначен особой цифрой: 1, 2, 3. Излишне подчеркивать (ибо это прекрасно известно в антропологии) мифологический характер этой модели представления ценностей: это — модель *объекта в процессе коммуникации*; гораздо интереснее понять ее природу.

1. В случае C_1 объектом коммуникации является сообщение — своего рода «замороженное» слово — слово, как бы овеществленное и в силу этого поддающееся передаче. Будучи ключом познания и узнавания, объект-сообщение может быть понят — в плане мифологической манифестации — как реализация модальности «знать».

2. В случае C_2 дело идет о передаче силы, которая либо лишает человека необходимой для действия энергии, либо, наоборот, дает ему эту энергию. Объект-сила будет в таком случае мифологическим эквивалентом модальности «мочь».

3. В случае C_3 коммуникация состоит в передаче объекта желания; эта передача, следовательно, соответствует модальности «хотеть».

Не решаясь пока говорить о характере корреляции между ценностями, лежащими в основе повествования, и модальными категориями, образующими актантажную модель, можно утверждать, что само наличие этой корреляции подтверждает высокую степень общности тех и других.

Таким образом, мы видим, что выражения *отчуждение* и *реинтеграция* ценностей, которыми мы обозначили повествовательные последовательности $\bar{C}C\bar{C}$ и $C\bar{C}C$, в известной мере оправданны благодаря только что сделанным уточнениям.

В заключение можно сказать, что вторая часть нашей структурной пропорции, по сути, устанавливает альтернативу между человеком, лишенным благ, и человеком, пользующимся всей полнотой ценностей.

Что же касается первой части пропорции, то она проще и вместе с тем сложнее второй. Статус A , который мы определили как общественный договор, на первый взгляд также имеет форму коммуникации: адресант приказывает адресату действовать; адресат выполняет предписание; речь, следовательно, идет о свободно принимаемом на себя обязательстве. В случае $\bar{A}$ адресант запрещает адресату действовать, что является очевидной негативной трансформацией a , то есть приказания, побуждающего к действию (a не к бездействию). Договор но-

сит здесь негативный характер, лишая человека возможности действовать.

С другой стороны, подчинению соответствует нарушение, которое, хотя и является одним из видов отрицания подчинения, все же не до конца негативно, так как несет в себе волю к действию в противоположность запрету, воспреещающему действию. Таким образом, «нарушение» — двусмысленный терм:

а) по отношению к «подчинению» он является его отрицанием:

$$\text{не-а vs } \overline{\text{не-а}};$$

б) по отношению к «запрету», являющемуся отрицанием побуждения к действию (приказа действовать), он оказывается отрицанием отрицания (отрицанием приказа действовать); следовательно:

$$\bar{\text{а}} \text{ vs } - (\bar{\text{а}}).$$

Иными словами, отрицание отрицания есть своего рода утверждение (ср. утвердительную частицу *si* во французском языке):

$$-- (\bar{\text{а}}) = \text{а}.$$

Отсюда следует, что нарушение есть своего рода приказание. Будучи на первый взгляд парадоксальным, наше дедуктивное рассуждение теоретически оправданно, пока мы ограничиваемся конверсией функций, не принимая во внимание актантов. Если же мы примем во внимание актанты, то парадокс разъяснится: нарушение и вправду является приказанием, предполагающим отрицание адресанта и замену его адресатом. В самом деле, отождествление адресанта и адресата в функции приказания является, очевидно, не чем иным, как определением воли, свободного волевого акта.

Мы видим, таким образом, что если

$$\text{А vs } \bar{\text{А}}$$

есть оппозиция между установлением общественного договора и его нарушением, то нарушение договора приобретает некое новое позитивное значение: оно утверждает свободу индивида. Следовательно, повествование ставит альтернативу, предлагает выбор между свободой индивида (то есть отсутствием договора) и принятием общественного договора. Лишь в результате этого дополнительного анализа обнаруживается подлинный смысл сказки, которая (как хорошо почувствовал и доказал Леви-Стросс), подобно мифу, актуализирует противоречия такого состояния, когда выбор и невозможен, и неудовлетворителен.

В контексте русской народной сказки это мифологическое противоречие может быть сформулировано следующим образом: следствием индивидуальной свободы является «отчуждение», за восстановление

ние ценностей приходится платить установлением порядка, иначе говоря, отказом от свободы.

Посмотрим теперь, каким образом повествование пытается разрешить это противоречие.

f) Трансформационная модель

Мы видим, что *анализ повествования может привести к двум разным* определениям.

Первое из них имело Диахронный характер. В самом деле, повествование сводится к последовательности «испытание», которая, реализуя в дискурсе актантную модель, как бы антропоморфизует значения и в силу этого предстает как цепь человеческих (или парачеловеческих) поступков. Эти поступки, как мы видели, предполагают не только их временное следование друг за другом (не являющееся ни формой смежности, ни формой логической импликации), но и свободу этого следования, то есть два признака, которыми обычно определяют историю: необратимость и свобода выбора. Мы видели также, что этот необратимый выбор (F после A) предполагал и некий результат, наделяя таким образом человека, вовлеченного в исторический процесс, чувством ответственности. Это означает, что простейшая диахроническая повествовательная последовательность уже по определению содержит все признаки исторической деятельности человека — необратимой, свободной и ответственной.

Такая интерпретация испытания позволяет рассматривать его как изобразительную модель, то есть как организованную совокупность мифологических поступков, учитывающих исторические, то есть подлинно Диахронные трансформации; анализ повествования, будучи продолжен в указанном направлении, открывает возможности для описания трансформационных моделей. Под этим углом зрения уточняется и роль испытания: оно исходит из некоторой заданной содержательной структуры:

$$\frac{\bar{a}}{\text{не-}a} \approx \frac{\bar{c}}{\text{не-}c},$$

и трансформирует ее с помощью мифологической операции, элементы которой требуют повторного рассмотрения, в новую, отличную от первой, содержательную структуру:

$$\frac{a}{\text{не-}a} \approx \frac{c}{\text{не-}c}.$$

Даже поверхностное сравнение обеих структур (до и после трансформации) показывает, что трансформация, по всей видимости, заключается в уничтожении знаков отрицания в трансформируемой структуре; иными словами, трансформация — это металингвистическая операция отрицания отрицания, результатом которой оказывается утверждение.

Если это так, то теперь можно рассмотреть еще не анализировавшиеся элементы в схеме испытания. Мы видели, что все три содержащиеся в повествовании испытания имеют особые результаты: не-с₁, не-с₂, не-с₃, - и что эти результаты оказываются не только результатами испытаний, но еще и позитивными терминами семных категорий, негативные термины которых обнаруживаются в виде antecedентов в той самой структуре, которая подлежит трансформации с помощью испытания. Это означает, что трансформация должна получить объяснение через борьбу (F), а это — единственная функциональная пара, не поддающаяся анализу в качестве ахронной структуры и непосредственно предвещающая появление позитивного термина трансформируемой структуры.

Прежде всего борьба предстает как столкновение помощника с противником, то есть как проявление - функциональное, динамическое и антропоморфное одновременно — того, что можно рассматривать как два - позитивный и негативный — термина сложной структуры значения. За столкновением непосредственно следует функция «успех», означающая победу помощника над противником, то есть уничтожение негативного термина в пользу позитивного. Понятая таким образом, борьба вполне может рассматриваться как представленное в мифе разрушение сложной структуры, то есть как металингвистическая операция, в которой негативный терм отрицается и в неприкосновенности остается лишь позитивный терм простейшей структуры. У нас еще будет возможность вернуться к этой проблеме в следующей главе, на ином, неизобразительном уровне. Как бы то ни было, уже теперь борьба предстает как выражение металингвистической деятельности в том смысле, что она не имеет собственного содержания, но, напротив, имеет своим объектом содержание результата, которое, как нетрудно заметить, проявляется отдельно и независимо от борьбы.

Однако результат возникает не только из борьбы; он вытекает также и из частичного договора, заключенного еще до начала борьбы и в свою очередь входящего в состав испытания; результат, таким образом, является следствием договора, доказательством его реализации и предполагает частичное восстановление нарушенного договора в целом. Не собираясь сейчас останавливаться на лингвистической интерпретации утвердительного суждения, к чему мы вернемся позже,

ограничимся констатацией того, что испытание, понятое как изобразительное воплощение трансформационной модели, вводит диахронное измерение, которое, противопоставляя аксиологические содержания, вложенные в предшествующую и следующую за ним структуры, позволяет понять и претерпеваемую ими трансформацию.

g) Повествование как медиация

Мы видим, что повествование (в частности, русская народная сказка), подвергнутое функциональному анализу, имеющему целью установить характер отношений между функциями в их дискурсивном проявлении, поддается двойной интерпретации, выявляющей существование двух типов имманентных моделей: первая из них описывает конститутивную модель, являющуюся, по всей видимости, формой организации противоречивых аксиологических содержаний, воспринимаемых как неизбежные и в то же время неудовлетворительные; вторая же, напротив, выявляет наличие трансформационной модели, предлагающей идеологическое разрешение этих противоречий, утверждающей возможность трансформации упомянутых содержаний.

Возможность двойной интерпретации лишь подчеркивает тот факт, что в повествовании может содержаться значительное число противоречий. Повествование утверждает устойчивость и в то же время - возможность перемен, необходимость порядка и одновременно - свободу, нарушающую или восстанавливающую этот порядок. Между тем эти противоречия не видны невооруженному взгляду; напротив, повествование создает впечатление равновесия, нейтрализации противоречий. Именно в этой перспективе оно и обнаруживает свою существенную медиативную роль. И можно сказать, что эта медиативность многообразна: это медиация между структурой и действием, между устойчивыми состояниями и историческими изменениями, между обществом и индивидом.

Быть может, чрезмерно обобщая, мы все же полагаем возможным разделить этот тип повествований на два больших класса: повествования о наличном порядке, который *принимается*, и повествования о наличном порядке, который *отвергается*. В первом случае исходной точкой является констатация существования определенного порядка и необходимость оправдать и объяснить этот порядок. Этот наличный порядок, превосходящий человека потому, что это — социальный или природный порядок (предполагающий существование дня и ночи, лета и зимы, мужчин и женщин, молодых и стариков, земледельцев и охотников и т.п.), получает объяснение на уровне самого человека: поиск, испытание суть формы человеческого поведения, устанавливающего тот или иной порядок. Медиативная роль повествования состоит

в «очеловечивании мира», в придании ему личностного и событийного измерения. Мир оправдан человеком, а человек включен в мир.

Во втором случае существующий порядок воспринимается как несовершенный, человек — как отчужденное существо, а наличная ситуация — как нетерпимая. В этом случае повествовательная схема предстает как архетип медиации, как обещание спасения: человек, отдельный индивид должен возложить на себя ответственность за судьбу мира, он должен трансформировать его, пройдя через битвы и испытания. Эта повествовательная модель описывает различные формы сотеризма и предлагает разрешение любой нетерпимой ситуации недо-стачи.

Такое введение исторического измерения, истории — объяснительной или проективной, циклической или открытой в будущее — придает дополнительный интерес анализу, позволяя поставить вопрос о важности и значении моделей, выявленных в результате описания русской народной сказки.